

категории заключенных должны содержаться в отдельных заведениях или в разных частях одного и того же заведения, с учетом их пола, возраста, предшествующей судимости, юридических причин их заключения и предписанного *обращения с ними*. Разделение заключенных на категории облегчает работу с ними в целях их возвращения к жизни в обществе (правило 93 Правил Манделлы).

Различные категории заключенных содержатся в отдельных учреждениях или в разных частях одного и того же учреждения с учетом их пола, возраста, предшествующей судимости, юридических причин их заключения и предписанного вида режима (правило 11 Правил Манделлы). Согласимся с мнением С.М. Савушкина, верно отметившего, что вид режима – более широкое понятие, нежели обращение с осужденными. Несмотря на то что исправительные колонии в России отличаются именно стро-

гостью режима, фактически в отдельных колониях (общего и строгого режима) все сводится к условиям содержания (количество посылок, свиданий и т.д.), что фактически никаким образом не сказывается на самих осужденных¹.

Одной из целей классификации заключенных согласно п. 12 Европейских пенитенциарных правил 1987 г. является размещение заключенных таким образом, чтобы облегчить исправительное воздействие и их социальную реадaptацию, учитывая при этом требования управления и безопасности.

Таким образом, действующие международные стандарты определяют возраст как один из основных критериев дифференциации осужденных, отбывающих наказание в виде лишения свободы, который может быть положен в основу реализации исполнения наказания в отношении пожилых осужденных, отбывающих наказание в виде лишения сво-

Рахматулин З.Р.,

кандидат юридических наук

Сибирский юридический институт МВД России (г. Красноярск)
Ачинский филиал Красноярского государственного аграрного университета

К вопросу об оптимизации материальных и процессуальных норм уголовно-исполнительного законодательства Российской Федерации

В современном праве наблюдается тенденция применения так называемых норм «мягкого права» и различных юридических положений, содержащихся в соответствующих концепциях, методиках, рекомендациях и иных документах, юридическая сила которых находится на этапе обсуждения. В юридической литературе в связи с этим отмечается, что «возникает иллюзия старения и даже ненужности классических средств правового регулирования, что прежде всего

обращено в адрес закона, притом что презюмируется востребованность применения квазиправовых регуляторов»². Уголовно-исполнительное право в этом смысле также исключением не является, поскольку вопросы планирования, модернизации и развития данной сферы также находят отражение в источниках концептуального, рекомендательного, разъяснительного или методического характера.

¹ Савушкин С.М. Дифференциация осужденных к лишению свободы: история, международные стандарты, зарубежный опыт : монография / науч. ред. В.А. Уткин. Новокузнецк: Кузбасский институт ФСИН России, 2017. С. 59.

² Червонюк В.И. Принципы права в структуре правовых регуляторов: методологические подходы к пониманию принципов права в дискурсе отечественной юриспруденции // Право и государство. 2021. № 10. С.45-51.

Так, Концепция развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года предусматривает необходимость оптимизации правового регулирования в сфере реализации мер пресечения и исполнения уголовных наказаний с учетом международных обязательств Российской Федерации и общепризнанных норм международного права, а также профилактики совершения преступлений.

Отметим, что данные направления являются перспективными, поскольку от решения этих задач будет зависеть эффективность деятельности всей пенитенциарной системы и отдельных ее элементов. Анализ складывающейся правоприменительной практики в сфере исполнения наказаний и иных мер уголовно-правового характера показывает необходимость определенных изменений действующего законодательства.

Так, сотрудники уголовно-исполнительных инспекций (далее – инспекции) сталкиваются со сложностями доказывания фактов нарушений со стороны осужденных. Должностные лица не всегда объективно подходят к рассмотрению этих фактов, конкретных законодательных ориентиров в этих вопросах у них нет. Процессуальные нормы в УПК РФ и УИК РФ, затрагивающие эти аспекты, отсутствуют. Такие пробелы вызывают сложности в деятельности сотрудников, исполняющих назначенное судом наказание.

К примеру, Череповецким городским судом Вологодской области рассмотрено представление начальника уголовно-исполнительной инспекции, в котором констатировано, что А., осужденный к ограничению свободы за совершение преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 166 УК РФ, является нарушителем режимных требований. Однако факт злостного уклонения от отбывания наказания не нашел своего подтверждения в суде. Инспекции не удалось доказать то, что лицо покинуло место постоянного проживания (пребывания), собранные данные не позволяют сделать вывод о нарушениях

условий отбывания наказания осужденным.

Такие ситуации имеют место быть и в других случаях. Трусовский районный суд Астраханской области, рассмотрев административное дело по иску исправительной колонии к прокурору о признании постановления, вынесенного им, незаконным и подлежащим отмене, установил, что начальником ФКУ ИК-8 УФСИН России по Астраханской области вынесено постановление о водворении осужденного Г. в штрафной изолятор на 8 суток за нарушение установленного порядка отбывания наказания. Г. не соблюдал распорядок дня, установленный в исправительном учреждении. Прокурором по надзору за соблюдением законов в исправительных учреждениях в А. области проведена проверка ФКУ ИК-8, в ходе которой выявлено нарушение ст. 115 УИК РФ, а именно установлено, что в материалах о применении к Г. меры взыскания в виде водворения в штрафной изолятор отсутствуют достоверные сведения о допущенном осужденным правонарушении. Суд пришел к выводу, что факт совершения Г. дисциплинарного проступка не нашел подтверждения, дисциплинарное взыскание наложено должностным лицом не в соответствии со ст. 115 УИК РФ¹.

Отметим, что такие формулировки в судебной практике встречаются часто. Думается, что следует в УИК РФ в отдельной статье, посвященной порядку привлечения осужденных к дисциплинарной ответственности, закрепить правило о том, какие виды доказательств могут использоваться при установлении предмета доказывания соответствующего дисциплинарного проступка, а также качества, которым они должны соответствовать (например, допустимости, относимости, достаточности, достоверности). Кроме этого целесообразно закрепить их в специальном перечне доказательств. На наш взгляд, к ним могут относиться следующие: рапорта начальника составы, акты администра-

¹ Решение Трусовского районного суда г. Астрахани Астраханской области от 22.11.2019 по делу № 2А-2137/2019.

ции, докладные записки, сообщения от иных органов, жалобы, заявления и иные обращения осужденных, акты медицинского персонала, результаты освидетельствования, иные предметы и документы и другие доказательства.

Это принесет определенный порядок и правомерную результативность в деятельность по рассмотрению соответствующих вопросов о привлечении к дисциплинарной ответственности и позволит унифицировать требования закона, чтобы впоследствии не возникало спорных вопросов в деятельности органов, исполняющих уголовные наказания. Более того, это повысит эффективность реакции на совершаемые дисциплинарные нарушения и позволит увеличить исправительный потенциал применяемых наказаний.

Общая идея о том, что лицо является невиновным, пока его вина не будет доказана в установленном порядке (презумпция невиновности), на практике, как правило, соблюдается. Однако законодательно это никак не оформлено. В УПК РФ ведется речь об обвиняемом и данный принцип распространяется в отношении лица, совершившего преступление. В вышеотмеченных случаях имеют место уголовно-исполнительные правоотношения, поэтому целесообразно по аналогии со ст. 14 УПК РФ в УИК РФ закрепить принцип презумпции невиновности. В содержании данной нормы следует отразить, что осужденный не обязан доказывать свою невиновность в дисциплинарном проступке. Бремя доказывания и опровержения доводов, приводимых осужденным или его защитником либо законным представителем, должно лежать на стороне специализированных органов. Все сомнения в виновности осужденного, которые не могут быть устранены, должны толковаться в его пользу.

Кроме этого не всегда понятно, к какой ответственности привлекать осужденного в случае совершения им некоторых проступков. Особенно такая ситуация остается острой при ненадлежащем обращении с элементами системы элек-

тронного мониторинга подконтрольных лиц. Так, Норильским городским судом Красноярского края рассмотрено административное дело по ч. 1 ст. 19.3 КоАП РФ в отношении Ц., осужденной по ч. 1 ст. 159 УК РФ к ограничению свободы. Согласно протоколу об административном правонарушении Ц. отдалась от мобильного контрольного устройства на расстояние более 5 метров, чем допустила неповиновение законному требованию сотрудника уголовно-исполнительной системы, что выразилось в бездействии и воспрепятствовании исполнению сотрудником служебных обязанностей. Однако суд посчитал, что данные действия не образуют состав административного правонарушения, а являются дисциплинарными проступками. Суд обосновал свою позицию, сославшись на п. «а» и п. «б» ч. 4 и ч. 5 ст. 58 УИК РФ, признав такое бездействие злостным нарушением режимных правил¹.

Представляется, что такая мотивировка не совсем обоснована. Подобного рода правоотношения должны регламентироваться нормами уголовно-исполнительного права. Однако в ст. 58 УИК РФ виды нарушений являются исчерпывающими, и те из них, которые фигурируют в решении Норильского городского суда, в этом перечне отсутствуют. Поэтому такие действия (бездействия) осужденного являются нарушениями непенитенциарного режима ограничения свободы, за которое лицу должно выноситься предупреждение должностными лицами уголовно-исполнительной системы. В связи с этим представляется целесообразным включить в ч. 1 ст. 58 УИК РФ п. «ж» и изложить его следующим образом: «Неисполнение требований, содержащихся в памятке об использовании системы электронного мониторинга подконтрольных лиц, врученной осужденному под расписку».

Таким образом, дальнейшая законодательная модернизация уголовно-исполнительной системы должна опираться на практику исполнения конкретных мер. Следует отслеживать реали-

¹ Постановление Норильского городского суда Красноярского края от 09.04.2020 по делу № 5-74/2020.

зацию наказаний и иных мер в динамике и корректировать текущее законодательство с учетом этих факторов. Это, в свою очередь, позволит более оптимально реализовать основные положения Концеп-

ции развития уголовно-исполнительной системы на период до 2030 года и повысит эффективность исполнения уголовных наказаний.

Гаврилов Д.И.

Кузбасский институт ФСИН России (г. Новокузнецк)

Некоторые вопросы межведомственного взаимодействия уголовно-исполнительных инспекций при исполнении мер пресечения

Сотрудники уголовно-исполнительных инспекций (далее – Инспекции) выполняют функции и полномочия по осуществлению правоприменительной деятельности по контролю за нахождением лиц, подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений, в местах исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста, запрета определенных действий и залога и за соблюдением ими наложенных судом запретов. Кроме этого сотрудники Инспекции следят за точным и безусловным соблюдением постановлений и определений в отношении указанных лиц. Указанные полномочия определяются на основании Положения, утвержденного Указом Президента РФ¹.

В действующем законодательстве не предусмотрен перечень должностных лиц участвующих в исполнении мер пресечения. Однако из норм ст. 105.1, 106, 107 УПК РФ можно очертить круг учреждений и должностных лиц, осуществляющих взаимодействие с основным субъектом исполнения мер пресечения. Взаимодействие является одним из основных элементов обеспечения контроля за лицами с мерами пресечения в виде домашнего ареста, запрета определенных действий и залога.

Как справедливо отмечается в специальной литературе, среди основных форм взаимодействия выделяют: совместное планирование, обмен информацией между субъектами, совместное обсуждение вопросов на оперативных совещаниях и т.д.² Можно определить, что основными формами взаимодействия Инспекции и иных подразделений является обмен информации по средствам направления официальных уведомлений или запросов на предоставление информации.

Согласно положениям приказа Минюста России № 189, МВД России № 603, СК России № 87, ФСБ России № 371 от 31.08.2020 (далее – Приказ) при исполнении домашнего ареста, запрета определенных действий и залога в качестве меры пресечения в объеме, установленном судом, Инспекция взаимодействует со следственными органами Следственного комитета РФ, органами дознания и органами предварительного следствия федеральных органов исполнительной власти, судами, медицинскими организациями государственной и муниципальной систем здравоохранения и иными органами и организациями в соответствии с их компетенцией³.

¹ Положение о Федеральной службе исполнения наказания : утв. Указом Президента Российской Федерации от 13.10.2004 № 1314 // Собрание законодательства РФ. 2004. № 42. Ст. 4109 (с изм. от 30.03.2012 // Собрание законодательства РФ. 2012. № 14. Ст. 1615).

² Смирнова И.Н., Минаева И.С. Организационно-правовые основы правоохранительной деятельности в сфере взаимодействия уголовно-исполнительных инспекций и органов внутренних дел. Псков: Псковский государственный университет, 2018. С. 5-19.

³ Колпакова Л.А., Кочетова Е. А. Процессуальные вопросы взаимодействия судебно-следственных органов и уголовно-исполнительных инспекций при исполнении меры пресечения в виде запрета определенных действий // *Ius Publicum et Privatum*. 2021. № 1(11). С. 78-82.